

ДУРА-ЕВРОПОС ПОСЛЕ М.И. РОСТОВЦЕВА

Дура-Европос представляет собой один из наиболее интересных памятников эллинистического Востока. Впервые о нем стало известно в 1920 г., когда подразделение английской армии под командованием капитана Мэрфи, преследуя отряды арабов-повстанцев, заняло руины города¹. Готовясь к отражению атак, солдаты рыли окопы и строили блокгаузы. В результате этого случайно были открыты прекрасной сохранности настенные росписи, как позднее выяснилось, находившиеся в так называемом «храме пальмирских богов».

Сообщение об этом открытии было отправлено в Багдад Г. Белл, занимавшей тогда пост директора Службы древностей Ирака. По ее просьбе находившийся проездом в Багдаде профессор Чикагского университета, известный египтолог Дж. Брестед посетил руины города и, хотя в его распоряжении было совсем мало времени, сделал краткое описание и фотографии росписей². В 1922 г. он на основании этих материалов сделал доклад в Академии надписей и изящной словесности в Париже, а затем издал небольшую книгу «Восточные предьстоки византийской живописи»³, которая произвела на специалистов очень сильное впечатление. Академия организовала специальную экспедицию по исследованию Дура-Европос, во главе которой находился известный бельгийский ученый Ф. Кюмон. В течение трех сезонов экспедиция вела раскопки города, и по их итогам Ф. Кюмон опубликовал в 1926 г. двухтомный труд (первый том – текст, второй – иллюстрации)⁴.

Однако финансовые сложности и беспокойная политическая ситуация привели к прекращению исследований. Они возобновились только в 1928 г., когда было заключено соглашение о работах в Дура-Европос между Верховным комиссаром Французской республики в Сирии и Президентом Йельского университета (США)⁵. Инициатором этого был выдающийся ученый М.И. Ростовцев – в то время профессор Йельского университета. В соответствии с этим соглашением исследования в Дура-Европос осуществлялись полностью за счет университета, но экспедиция имела двух руководителей, и в ее составе работали как американцы, так и французы. Исследования этой экспедиции были в высшей степени успешными, открывшими по существу целый новый мир: рядовой город эллинистического Востока, переживший три различных эпохи – селевкидскую, парфянскую и римскую⁶. По итогам каждого из полевых сезонов экспедиции издавался том «Предварительных отчетов» («The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report»), по окончании работ планировалось издать серию «Окончательных отчетов» («The Excavations at Dura-Europos. Final Report»). Начало второй мировой войны привело к прекращению исследований в Дура. Соответственно произошла задержка с публикацией «Предварительного отчета» за предпоследний сезон⁷, а «Предварительный отчет» за последний (десятый) сезон никогда не был опубликован. Точно так же далеко не все из планировавшихся «Окончательных отчетов» были завершены и увидели свет⁸.

Открытия, сделанные в Дура-Европос, породили огромную литературу, среди которой особо

¹ Значительная часть территории Переднего Востока до первой мировой войны находилась под властью Османской империи. После ее поражения Ирак был передан под контроль Великобритании, а Сирия и Ливан – Франции. Арабы ответили на это восстаниями. Поскольку границы раздела арабских территорий между этими двумя странами еще были спорными, то нет ничего удивительного в том, что в районе Дура-Европос первыми оказались английские войска. Позднее эта территория вошла в состав французской подмандатной территории Сирии и Ливана.

² Об обстоятельствах его пребывания в Дура см. *Breasted J.H. Peintures d'époque romaine dans le desert de Syrie // Syria. 1922. 3. P. 177–206.*

³ *Breasted J.H. Oriental Forerunners of Byzantine Painting. Chicago, 1924.*

⁴ *Cumont F. Fouilles de Doura-Europos. 1922–1924. P., 1926.*

⁵ Текст соглашения опубликован в виде «Приложения» к статье *Gelin M. Les fouilles anciennes de Doura-Europos et leur contexte: documents d'archives conservés dans les institutions françaises et témoignages // DEE. IV. P. 243 sq.*

⁶ О значении раскопок Дура-Европос см. *Will E. Nouvelles recherches à Doura-Europos // DEE. I. P. 3 sq.*

⁷ «Предварительный отчет» за девятый сезон был разделен на три части и вышел в свет в 1944–1952 гг.

⁸ «Окончательные отчеты» публиковались с 1943 по 1969 г.

необходимо отметить ряд работ М.И. Ростовцева, бывшего научным руководителем экспедиции⁹, Э. Перкинс¹⁰ и описание самого процесса исследований¹¹.

Таким образом, несколько десятилетий Дура-Европос оставалась покинутой, и только в 1986 г. здесь начались новые археологические работы¹². Эти работы осуществляются Совместной франко-сирийской экспедицией. Во главе экспедиции стоят два руководителя: известный французский археолог, специалист по античному Переднему Востоку и Средней Азии П. Лериш и директор Археологического музея в Дейр эз-Зоре Махмуд ал-Асад.

Цели данной экспедиции несколько отличаются от целей обычных археологических экспедиций – ее главная задача состоит не в собственно раскопках, а в превращении Дура-Европос в крупный центр туризма, чего, естественно, этот город вполне достоин. Соответственно осуществление данной задачи требует значительных по масштабам реставраций, которые в первую очередь должны коснуться наиболее ярких и впечатляющих памятников, например, укреплений, прежде всего Пальмирских ворот, резиденции стратега, цитадели и т.д. Однако эта реставрация должна быть проведена на самом современном уровне не только с технической точки зрения, но и с точки зрения исторической и археологической достоверности. Памятники, которые в первую очередь должны быть реставрированы, в 20–30-е годы были уже объектами раскопок экспедиций, работавших тогда в Дура-Европос. В силу ряда причин (см. ниже) отчетные сведения о проведенных работах недостаточны для реставрации, и поэтому в плане работ франко-сирийской экспедиции стоят и ограниченные раскопки, зондажи и зачистки, целью которых является верификация полученных ранее данных, уточнение неясных вопросов, снятие всякого рода сомнений для того, чтобы проекты реставрации были совершенно бесспорными¹³.

Работы данного характера продолжают уже несколько лет, и их результаты регулярно публикуются. До сего времени вышло уже четыре выпуска отчетов об исследованиях в Дура-Европос¹⁴. Первые три из них печатались в форме приложений к соответствующим номерам журнала «Syria», четвертый же опубликован в виде отдельного сборника. Изменение формы отражает и некоторые изменения в характере самих работ на памятнике. Как указывают во вводной статье к четвертому сборнику П. Лериш и Махмуд ал-Асад, финансирование экспедиции в первые годы ее работ было весьма ограниченным и соответственно результаты работ были также достаточно скромными. Только начиная с 1991 г. финансирование стало более значительным, что позволило укрепить научный состав экспедиции, расширить масштабы исследований и реставрации памятника¹⁵.

Мы полагаем, что выход в свет четырех сборников отчетов о работе экспедиции представляет возможность судить о ее результатах, которые бесспорно представляют большой интерес для всех специалистов по эллинистическому и римскому Востоку.

Все материалы, опубликованные в этих сборниках, можно разделить на три основные группы: 1) археологические отчеты о раскопках различных памятников, 2) исследования по различным проблемам истории Дура-Европос, не имеющие отчетного характера; 3) история предшествующих археологических исследований в Дура-Европос. В последнем сборнике это тематическое деление уже получило «официальное» признание: в нем содержание разделено именно на такие три рубрики.

В свою очередь материалы отчетного характера можно разделить на две подгруппы: а)

⁹ Rostovtzeff M. *Dura and the Problem of Parthian Art* // *Yale Classical Studies*. 1935. 5; *idem*. *Dura-Europos and Its Art*. Oxf., 1938.

¹⁰ Perkins A. *The Art of Dura-Europos*. New Haven, 1973.

¹¹ Hopkins C. *The Discovery of Dura-Europos*. New Haven–London, 1979.

¹² Масштабным работам, начавшимся в этом году, предшествовали три кампании, проведенные П. Леришем в 1982–1984 гг., посвященные только изучению фортификации города, и рекогносцировочные работы 1985 г., в которых под руководством П. Лериша участвовали как археологи, так и архитекторы-специалисты по реставрации памятников прошлого. На основании результатов этих исследований было принято решение о возобновлении работ в Дура-Европос.

¹³ Об основных задачах экспедиции см. Leriche P., Mahmoud A., Mouton B., Lecuyot G. *Le site de Doura-Europos: état actuel et perspectives d'action* // DEE. 1986. I. P. 5–25.

¹⁴ DEE. I, II, III, IV. Имеются также важные статьи отчетного характера, опубликованные и в других изданиях. См.: например: Leriche P., Mahmoud A.A. *Doura-Europos: Bilan des recherches récentes* // CRAI. 1994. P. 395–420.

¹⁵ Leriche P., Mahmoud A.A. *Bilan des campagnes 1991–1993 de la mission franco-syrienne à Doura-Europos* // DEE. IV. P. 1–20.

отчеты о дополнительных исследованиях памятников, уже изучавшихся ранее; б) отчеты о раскопках объектов, которые франко-сирийская экспедиция изучает впервые.

Основное внимание, как мы отмечали, уделяется тем памятникам, которые «создают образ» древнего города, привлекая наибольшее внимание туристов. Именно они должны быть реставрированы в первую очередь и соответственно им уделяется основное внимание сотрудников экспедиции. К числу таких памятников относятся все укрепления города, прежде всего главные городские ворота, *стратегейон* – официальная резиденция главного городского магистрата, и цитадель. Все эти памятники, естественно, уже изучались предшествующими экспедициями, поэтому здесь, как правило, не было специальных ширококомасштабных раскопок. Сотрудники франко-сирийской экспедиции проводили повторные изучения памятников *in situ*, осуществляли дополнительные зачистки, шурфы, раскопки в не до конца раскопанных частях сооружений.

Исследования укреплений включали в себя: 1) тщательное изучение городских стен, уже практически полностью раскопанных предшествующими экспедициями; 2) исследование главных городских (Пальмирских) ворот¹⁶, в значительной мере раскопанных американско-французской экспедицией; 3) исследование дополнительных ворот, также частично раскопанных этой же экспедицией.

Картину истории городских укреплений в Дура-Европос в свое время создал А. фон Геркан¹⁷, и она казалась совершенно убедительной практически всем исследователям, обращавшимся к данной проблеме¹⁸. Суть этой концепции состоит в уверенности, что стены города были возведены вскоре после основания города, что имело место в 300 г. до н.э.¹⁹ Первоначальные стены представляли собой конструкцию, состоящую из каменного фундамента и собственно стен, выполненных из сырцового кирпича. На протяжении всей истории существования города его жители постепенно заменяли сырцовые кирпичи каменной кладкой, но этот процесс шел очень медленно и не был завершен ни в эллинистический, ни в парфянский, ни даже в римский периоды.

Франко-сирийская экспедиция в ходе исследований пришла к иным выводам: городские стены, согласно их наблюдениям, возводились сразу целиком из камня; что касается участка стены, который сделан из сырцового кирпича, то он не представляет собой остаток первоначальной конструкции, а участок, который, как и остальные, должен быть выполнен из камня, в условиях крайней спешки сделан из кирпича. Те части каменной стены, которые соседствуют с данным участком, также показывают крайнюю спешность их возведения. Наконец, еще одним новым выводом является утверждение о том, что все стены начали строиться только в первой половине II в. до н.э.²⁰

Объектом специального внимания были Пальмирские ворота²¹. Эти ворота исследовались в свое время американско-французской экспедицией, но результаты ее раскопок были представлены в публикациях в очень краткой форме. Первой задачей работ было освобождение ворот от огромной массы земли – отвалов прежних раскопок. Только после этого стало возможным проводить новые исследования (отдельные шурфы, зачистки, вскрытие не до конца раскопанных помещений в башнях). Важнейшим результатом их является, как считают авторы раскопок, установление достаточно надежной даты их сооружения – первая половина II в. до н.э., что совпадает со временем строительства городских стен. Удалось установить и детальную историю сооружения и реконструкции башен, представлявших основной элемент укреплений городских ворот. Главным итогом всех этих работ является воссоздание основных этапов сооружения Пальмирских ворот: 1) строительство их к середине II в. до н.э.; 2) перестройка в

¹⁶ Название дано исследователями из американско-французской экспедиции. Ф. Кюмон называл их «монументальными воротами» или «центральными воротами западной стены».

¹⁷ Gerkan A. von. The Fortifications // The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of VII–VIII Season of Works. New Haven, 1939. P. 4–61.

¹⁸ Кошленко Г.А. Парфянская фортификация // СА. 1963. № 2.

¹⁹ Rostovizeff M. The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates // Annales de l'Institut Kondakov. 1938. X.

²⁰ Leriche P. Chronologie du rempart de brique crue de Doura-Europos // DEE. I. P. 61–82; Bessac Cl. Analyse des procédés de construction des remparts des pierre de Dura-Europos // DEE. II; Leriche P., Machmoud A.A.I. Bilan des campagnes 1988–1990 à Doura-Europos // DEE. III. P. 3–12.

²¹ Leriche P. Nouvelles données sur l'histoire architecturale et urbaine de Doura-Europos // Arabia Antiqua. Hellenistic Centres around Arabia. Roma, 1993. P. 113–127; *idem*. La porte de Palmyre à Doura-Europos // Colloque: Palmyre et la Route de la soie, 7–11 avril 1992. Damas, 1996. P. 245–252; Gelin M., Leriche P., Abdul Massih J. La porte de Palmyre à Dura-Europos // DEE. IV. P. 21–46.

течение парфянского периода (создание системы предвратных укреплений); 3) возведение в римское время мощной системы гласисов, выполненных из сырцового кирпича²². Наконец, что также весьма интересно, были вскрыты остатки поля боя перед городскими воротами во время последней осады города в середине III в. н.э. Здесь на большом пространстве на поверхности земли найдены наконечники стрел, наконечники копий, умбоны щитов и т.д. Благодаря всем этим исследованиям были созданы условия для начала работ по реставрации Пальмирских ворот.

В рамках проблемы изучения укреплений Дура-Европос происходили исследования и так называемых «дополнительных» (*secondaire*) ворот²³. Они показали, что эти ворота были не до конца исследованы во время работ американо-французской экспедиции и что в том кратком отчете об их раскопках, который был опубликован в 1939 г., имеются некоторые ошибки. «Дополнительные» ворота также находятся в западной стене, в 70 м к югу от Пальмирских ворот. Видимо, справедливо мнение, что они функционировали только в то время, когда строились Пальмирские ворота. Позднее, когда постройка главных ворот была окончена, эти ворота (скорее, калитка) были заложены. Отсюда также происходят материалы, подтверждающие ту дату строительства укреплений, о которой говорилось выше. Интересно отметить, что в этом месте была обнаружена «мина», подведенная под стену извне и «контрмина» – изнутри. Хотя никаких датирующих материалов в них не было найдено, имеются серьезные основания полагать, что эти подкопы – один из следов осады города в 165 г. н.э. войсками Авидия Кассия.

Вторым важнейшим объектом исследований в рамках данной программы были исследование *стратегейона*²⁴. Раскопки этого здания также проводились американо-французской экспедицией, но результаты их не были представлены в опубликованном виде. В архиве Йельского университета имеются две рукописи (К. Гопкинса и Г. Пирсона), в которых даны очень различающиеся версии относительно хронологии и истории существования здания. Кроме того, местоположение здания таково (на краю *вади*, отделяющего плато, на котором построен город, от плато цитадели), что часть его уже обрушилась за время, прошедшее с момента раскопок, а часть – могла обрушиться в ближайшее время. В связи с этим были приняты исследования в той части здания, которая ближе всего расположена к рухнувшему фасаду, и на дне *вади* – поскольку там должны быть возведены конструкции, поддерживающие восстановленный фасад. Результатом этих работ стало некоторое изменение представлений об истории здания. Ясно, что на первом этапе своего существования здание имело меньшие размеры, и его северная (ныне в значительной мере пострадавшая) часть была построена во II в. до н.э., когда здание реконструировали и расширяли. Несколько изменился и его план, поскольку были открыты некоторые стены в тех частях здания, которые оказались не полностью вскрыты предшествующими раскопками. Проведенные в самом *вади* раскопки показали, что тех контрфорсов, которые присутствуют в реконструкции здания, предложенной Йельской экспедицией²⁵, на самом деле нет и, следовательно, эта реконструкция ошибочна. Кроме того, здесь же были выявлены остатки каменоломни, из которой извлекались каменные блоки для строительства самого здания. Точно так же была показана ошибочность предположения М. Пилле о нахождении в северо-восточном углу одного из входов в *стратегейон*.

В течение этих лет были начаты и работы по реконструкции фасадной части здания. Для реконструкции используются и те каменные блоки, которые сохранились от первоначального здания.

Еще одним объектом исследований в рамках данной программы повторного изучения памятников является изучение дворца в цитадели²⁶. В его истории имеются два различных

²² Новые исследования показали, что размеры гласисов, наличие которых было уже установлено в ходе предшествующих работ, тогда были определены неверно.

²³ *Abdul Massih J.* La porte secondaire à Doura-Europos // DEE. IV. P. 47–54.

²⁴ *Leriche P., Machmoud A.A.I.* Bilan des campagnes 1986–1987 de la mission franco-syrienne à Doura-Europos // DEE. II. P. 8–10; *Mouton B.* Le réhabilitation du site de Doura-Europos. Premier bilan. L'exemple du palais du Stratège // DEE. III. P. 29–48; *Leriche P., Gelin M., Gharbi M., Yon J.-B.* Le palais du stratège à Doura-Europos // DEE. IV. P. 55–80.

²⁵ *Rostovtzeff.* Dura-Europos and Its Art. Pl. V – реконструкция Г. Пирсона.

²⁶ *Downey S.* Two Buildings at Dura-Europos and the Early History of Iwan // Mesopotamia. 1985. 20. P. 111–129; *eadem.* The Citadel Palace at Dura-Europos // DEE. I. P. 27–38; *eadem.* Further Observations on the Citadel Palace at Dura-Europos // DEE. II. P. 85–90; *eadem.* Archival Archaeology. Frank Brown's Notes on the Citadel Palace at Dura-Europos // DEE. III. P. 141–151.

периода. Первый, видимо, относится ко времени непосредственно после основания города, но остатки его конструкций столь незначительны, что на их основании невозможно представить его устройство. Конструкции второго периода сохранились лучше, хотя и они довольно сильно разрушены – значительная часть их упала в Евфрат, а часть – в *вади*, отделяющее цитадель от собственно города. Обычно считалось, что данная строительная фаза относится к парфянскому времени²⁷. Однако новые исследования показали, что оба строительных периода должны быть отнесены к эллинистическому времени: первый – ко времени вскоре после основания города, второй – ко II в. до н.э. С. Дауни, на основании сравнений с планами домов и дворца Ай-Ханум, доказывает, что реконструкция дворца в цитадели, предложенная в свое время Ф. Брауном, является в сущности умозрительной и не может быть принята. Соответственно нуждаются в корректировке и все схемы такой специфической архитектурной формы, как *айнан* – поскольку реконструкция Ф. Брауна служила одним из опорных пунктов в намеченной его эволюции.

С. Дауни также работала и над храмом Зевса Мегистоса²⁸. Ее задачей было уточнение сведений об этом важном памятнике религиозной архитектуры Дура-Европос, который исследовался в 1936–1937 гг. Однако в архиве Йельского университета имеется только часть документации об этих раскопках, осуществленных Ф. Брауном²⁹. В связи с этим оставалось несколько неясных вопросов относительно устройства храма, особенно на самом раннем этапе его существования. Расчистка руин позволила снять эти вопросы. Однако сравнение двух планов позволяет думать, что С. Дауни несколько преувеличивает недостатки плана Ф. Брауна – расхождения между ними, в общем, не значительны.

Объектом специального исследования были также два помещения святилища Аззанатконы³⁰. Одно из них представляло собой типичный для религиозной архитектуры Дура-Европос двух первых веков нашей эры «зал со ступенями»³¹, т.е. помещение, в котором сидения для участников сакральной трапезы, входившей в число важнейших элементов религиозной церемонии, располагаются рядами, каждый из которых выше предыдущего (как в амфитеатре театрального зала). Особенностью этих сидений являлось то, что они были подписаны: на каждом из них указывались дата, имя женщины, «владелицы» данного сидения, имя ее мужа и его генеалогия в двух или трех поколениях. Святилище также раскапывалось во время работ американо-французской экспедиции. Однако в опубликованном отчете основное внимание уделено только самим надписям, детальное же плана данного помещения издано не было. Эти надписи уже являлись объектом исследований, показавших, что в этом ритуале принимали участие члены очень ограниченного круга семей граждан города.

Задачей современного исследования было: уточнение плана помещения с выяснением порядка создания новых рядов сидений и проверка чтения надписей. В результате этого удалось составить и уточнить стеммы нескольких наиболее влиятельных семей среди граждан Дура-Европос в I – начале II в. н.э. (до 107 г. н.э.) и уточнить характер связей между ними.

В соответствии с данной программой проходило и исследование жилых домов Дура-Европос³². Начавшись как обычное обследование раскопанных ранее домов, проект достиг стадии создания компьютеризованной базы данных по проблеме жилой архитектуры Дура-Европос. Эта задача встала в связи с тем, что в ходе работ экспедиций Ф. Кюмона и М. Ростовцева было раскопано (в той или иной степени) более ста домов. При этом многие дома в опубликованных отчетах были представлены очень кратко, а о некоторых вообще в отчетах нет ни слова. Работа состояла из двух частей: сбор всего доступного материала в архивах и наблюдения на месте. В базу данных включались следующие сведения:

²⁷ Rostovtzeff. Dura-Europos and Its Art. P. 46 – на основании отчета Ф. Брауна.

²⁸ Downey S. Excavations in the Temple of Zeus Megistos at Dura-Europos, 1992 // DEE. IV. P. 107–116.

²⁹ О причинах и обстоятельствах гибели части экспедиционной документации последних двух сезонов американо-французской экспедиции см. Matheson S. The Tenth Season at Dura-Europos, 1936–1937 // DEE. III. P. 121–140; eadem. The Last Season at Dura-Europos // Eius Virtutis Studiosi: Classical and Postclassical Studies in Memory of Frank Brown (Studies in the History of Art. 1993. 43). P. 207–212.

³⁰ Arnaud P. Les salles W9 et W10 du temple d'Azzanathkóna à Doura-Europos: développement historique et topographie familiale d'une «salle aux gradins» // DEE. IV. P. 117–143.

³¹ О них см. Downey S. Mesopotamian Religious Architecture. Alexander through the Parthians. Princeton, 1988. P. 88 f.

³² См. Allara A. Les maisons de Doura-Europos. Questions de typologie // DEE. I. P. 39–60; idem. Domestic Architecture at Dura-Europos // Mesopotamia. 1987. 22. P. 67–76; idem. Les maisons de Doura-Europos. Les données du terrain // DEE. II. P. 65–84; idem. L'îlot des potiers et les fours à Doura-Europos // DEE. III. P. 101–120; Allara A., Saliou C. Constitution d'un répertoire d'architecture domestique à Doura-Europos // DEE. IV. P. 145–154.

1) библиография и иная имеющаяся информация; 2) характер, масштабы и глубина раскопок; 3) наблюдения над имеющимся планом и сохранившимися остатками строений; 4) состояние сохранности; 5) хронологические данные, имеющиеся в отчетах и видимые на месте; 6) техника строительства (стены, перекрытия, полы, колонны и т.д.); 7) функциональные устройства: подача воды, расположение кладовых, помещения для банкетов и т.д. Уже собранные таким образом материалы позволили авторам сделать некоторые достаточно важные выводы о характере жилой архитектуры Дура-Европос.

Второй частью раскопочной программы франко-сирийской экспедиции являются раскопки в тех частях города, в которых предшествующие экспедиции не работали. Важнейшее место среди них занимают раскопки на главной улице Дура-Европос, идущей на восток от главных городских ворот³³. Американско-французская экспедиция в свое время вскрывала главную улицу только на ее оконечностях: у Пальмирских ворот и у триумфальной арки. В ходе работ франко-сирийской экспедиции улица первоначально была пересечена траншеей (она находится на расстоянии в 100 м от внешних стен Пальмирских ворот), а затем с южной стороны улицы начали вскрывать помещения, входившие в состав здания, расположенного рядом с улицей. Данный раскоп имел своей задачей решение вопроса о времени создания главной городской артерии и, тем самым, должен был проконтролировать результаты, полученные при исследовании Пальмирских ворот. По мнению авторов, раскопки показали, что данная улица была создана в середине II в. до н.э. Она имела в тот момент ширину 10,5 м и пережила за время своего существования несколько реконструкций, но никогда серьезно не изменялась.

К югу от улицы находился жилой дом, входивший в состав квартала М5 (согласно принятой в Дуре системе обозначения отдельных кварталов). Часть этого дома была раскопана. Вдоль улицы располагалось продолговатое помещение («банкетный зал»). Выявлено наличие нескольких этапов его существования. Первоначально в его устройство входили колонны, затем они были заменены столбами, стоявшими по длинной оси помещения. Судя по наличию алтаря, остатков фресок и культового рельефа, обнаруженного здесь (ему посвящена отдельная публикация – см. ниже), помещение в это время имело сакральный характер. На самом последнем этапе помещение превращается в место хранения запасов оружия (стрелы, копья, камни для пращи). Естественным является предположение о том, что данный этап – время осады города войсками Сасанидов в 50-е годы III в. н.э. Рядом с этим залом расположено еще несколько комнат, но они вскрыты только частично. Кроме того, было установлено, что рассматриваемое здание построено на остатках другого – более раннего, вход в которое вел прямо с улицы.

Другое место в Дуре-Европос, где также проводились новые раскопки – территория археологической базы³⁴. Строительство новых помещений базы привело к необходимости вскрытия на этом участке самых верхних слоев городища. Здесь был обнаружен дворик с окружающими его комнатами – судя по характеру строительных остатков и найденным материалам, жилище людей достаточно скромного достатка. Это здание датируется – на основании керамических материалов – V в. н.э., а может быть, даже еще более поздним временем. Установление этого факта имеет достаточно важное значение, поскольку ранее считалось, что после захвата города Сасанидами в 256 г. н.э. жизнь в нем полностью прекратилась.

В расположенном рядом раскопе были найдены остатки здания (видимо, общественного назначения) римской эпохи, а над ними – остатки двух погребений. Одно из них, кенотаф, – в *таннуре* (*тандыре*), другое – также в *таннуре*, но, судя по характеру костей погребенного, выполнено скорее всего по зороастрийскому обряду. Эти погребения одновременны с упомянутыми выше остатками жилища и, по всей видимости, свидетельствуют о том, что и после разрушения города войсками сасанидского царя Шапура I остатки жизни здесь еще некоторое время теплились.

Статьи, которые не являются собственно отчетами об археологических раскопках или исследованиями «по следам» старых раскопок, напечатанные в сборниках трудов экспедиции, также можно разделить на несколько категорий. К одной из них могут быть отнесены статьи, в которых публикуются отдельные находки или категории находок.

Среди находок, сделанных в ходе раскопок здания, расположенного у главной улицы, как мы уже отмечали, имеется рельеф, явно пальмирский по своему происхождению и характеру,

³³ Leriche P., Machmoud A.A. Bilan des campagnes 1988–1990 à Doura-Europos // DEE. III. P. 19 sq.; Leriche P. Tranchée sur la rue principale et fouilles d'un sanctuaire et d'un maison de l'îlot M5 à Doura-Europos // DEE. IV. P. 81–94.

³⁴ Saliou C., Dandrau A. Données nouvelles sur les quartiers sud-est de Doura-Europos // DEE. IV. P. 95–106.

который стал объектом специальной публикации³⁵. Рельеф вырезан на плите размерами 52 × 44 × 6 см. Хотя плита несколько повреждена, тем не менее сцена, изображенная на ней, понимается без всяких затруднений. В центре рельефа представлено божество, справа от него – жертвователем рядом с алтарем-пиреем, слева – мужская фигура, выходящая из храма (вероятно, жрец). На фронтоне храма – изображение Геракла. В надписи упоминается некий (имя повреждено) сын Шалмана, внук Ялкута, посвятивший данный рельеф Белу. Практически бесспорно, что мы имеем дело с пальмирцем, жившим в Дуре и посвятившим рельеф верховному божеству пальмирского пантеона. Упомянутая в надписи дата (787 г. по селевкидской эре) явно ошибочна, так как в тот год (475 г. н.э.) ни Дура-Европос, ни Пальмира уже не существовали. Особый интерес вызывает имя деда жертвователя – Ялкуп, которое встречается только в сабейском ономастиконе, что позволяет говорить о связях между Дура-Европос и южной частью Аравийского полуострова. Дата рельефа, определяемая на основании его стилистических особенностей, – I в. н.э.

Регулярно во всех выпусках появляются публикации монетных находок³⁶. Монеты делятся на три группы: селевкидские, парфянские, римские, причем последние встречаются чаще других. Римские монеты в свою очередь включают как императорское серебро, так и медные монеты, выпущенные городами Востока (обычно Сирии и Месопотамии).

Некоторые работы, опубликованные в сборниках, представляют собой рассмотрение сделанных ранее находок. К их числу относятся две статьи, посвященные находкам хатрийских надписей в Дуре-Европос³⁷. В данном городе до сего времени найдено четыре хатрийских надписи³⁸, что позволяет говорить о распространении хатрийской письменности на запад, поскольку Дура-Европос – самый западный пункт, где засвидетельствовано использование хатрийской системы письма (Хатра находится на расстоянии 250 км к востоку от Дура-Европос)³⁹. Одна из этих надписей вообще уникальна – она представляет собой хатрийско-греческую билингву. Естественно, что наличие этих надписей в Дуре-Европос позволяет ставить вопрос о характере взаимоотношений двух городов и т.д. Трудности проистекают из того, что более ранние исследователи не очень точно указали места находок надписей. Однако, как считают авторы, можно сделать некоторые предположения об этом, что в свою очередь позволяет высказывать предположения и об их датах. Особое внимание привлекает билингва, которая, как выяснилось, происходила из храма Атаргатис. В надписи упоминается пожертвование Шамашу и вполне возможно, что данная надпись – вообще древнейшая из всего корпуса хатрийских надписей. Одно из граффито, в которых упоминается хатрийская триада верховных богов, было найдено в доме, расположенном недалеко от храма Атаргатис.

Подобного же типа – статья об известном щите из раскопок 1922 г.⁴⁰, на внешней поверхности которого имеется надпись с упоминанием ряда топонимов, расположенных у берегов Черного моря⁴¹. Автор отмечает, что данный памятник представляет собой значительный интерес для понимания истории античной картографии, в частности, он помогает понять текст Анонима из Равенны.

С. Джеймс обращается к находкам оружия и доспехов, сделанным в Дуре-Европос⁴². Автор указывает, что наиболее интересные вещи публиковались в «Предварительных отчетах» и планировалось, что весь материал в целом будет исследован и опубликован в одном из «Окончательных отчетов». Однако данная публикация так никогда и не появилась. Автором

³⁵ Bouni A. Un nouveau bas-relief palmyrénien de Doura-Europos // DEE. IV. P. 215–218.

³⁶ Augé Ch. Notes sur les monnaies de Doura-Europos, 1984 // DEE. I. P. 83 sq.; *idem*. Note sur les monnaies découvertes en 1986 et 1987 // DEE. II. P. 27–38; *idem*. Monnaies de Doura-Europos 1989–1993 // DEE. IV. P. 219–222.

³⁷ Bertolino R. Les inscriptions hatréennes de Doura-Europos: étude épigraphique // DEE. IV. P. 199–206; Leriche P., Bertolino R. Les inscriptions hatréennes de Doura-Europos: le contexte archéologique et historique // DEE. IV. P. 207–214.

³⁸ Язык населения Хатры представлял собой один из восточноарамейских диалектов, система письма – также вариант арамейской графики.

³⁹ Правда, на той же самой странице статьи Р. Бертолино (*Bertolino. Les inscriptions...* P. 199) указывается и другая цифра – 300 км.

⁴⁰ Cumont F. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes // Syria. 1925. 6. P. 1–15; *Cumont. Fouilles...* P. 323–337.

⁴¹ Rebuffat R. Le bouclier de Doura // DEE. I. P. 85–105.

⁴² James S. Evidence from Dura-Europos for the Origins of Late Roman Helmets // DEE. I. P. 107–134; *idem*. Military Equipment from the Yale/French Academy Excavations at Dura-Europos, 1928–1936 // DEE. IV. P. 223–228; *idem*. Dura-Europos and the Introduction of the «Mongolian release» // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War / Ed. M. Dowson. L., 1987. P. 77–83.

отмечаются три обстоятельства: 1) коллекция оружия и доспехов, хранящаяся в Йельском университете, возможно, самая крупная в мире; ее особенностью является то, что благодаря сухости климата в Дура-Европос сохранились многие детали, выполненные из органических материалов, которые в обычных условиях гибнут; 2) подавляющее большинство материалов относится ко времени последней осады города в 256 г. н.э., т.е. они детально характеризуют один хронологически точно определенный период в истории римского вооружения; 3) за последние два десятилетия достигнут значительный прогресс в изучении этой категории археологических материалов. С. Джеймс указывает, что он получил разрешение на публикацию данной коллекции и намечает те основные направления, по которым оно будет идти. Объектом его конкретного исследования является до сего времени не опубликованный шлем, хранящийся в Йельском университете, принадлежащий к типу, который называется обычно Spangenhelme. Автор доказывает, сопоставляя все сведения о шлемах этого типа, что данный тип представляет собой заимствование из иранского (парфяно-сасанидского) мира.

Естественно, что внимание исследователей привлекают пергамены и папирусы, найденные в ходе предшествующих раскопок. Один из папирусов, обычно называемый в соответствии со своим содержанием *Feriale Duranum*⁴³, стал объектом специального исследования⁴⁴. Автор указывает, что на протяжении длительного времени в науке было общепринятым мнение, впервые высказанное издателями этого документа: данный текст представляет собой единственный сохранившийся экземпляр официального списка праздников, которые были обязательными для каждого подразделения римской армии. Сам документ датируется временем между 225 и 227 г. н.э., но считается, что первый вариант списка был создан при Августе, а затем неоднократно редактировался. Однако в последние годы эта точка зрения подвергалась все более ожесточенной критике⁴⁵. Суть ее состояла в полном отрицании наличия такого универсального списка и утверждении, что в каждом подразделении существовали свои особые списки. Д. Фишвик, сопоставив папирусный текст из Дуры с иными документами (в первую очередь надписями из Британии), стремится доказать, что первоначальное мнение – более справедливо, нежели предположения его критиков.

В опубликованных выпусках отчетов экспедиции определенное место занимают и статьи, связанные с проблемами реставрации различных памятников Дура-Европос. Одна из них посвящена характеру строительных материалов, использовавшихся в Дура-Европос⁴⁶. Автор указывает, что в этом городе для строительства использовались два вида строительных материалов: сырьевые кирпичи и местный камень (гипс). В качестве связующего материала в кладках или в качестве покрытия стен применялся материал, который сейчас в этом районе называется *джус*. Обычно археологи считали, что *джус* представляет собой раствор гипса, получаемый путем кальцинации гипса (сульфат кальция), – известный с доисторических времен материал. Данный материал обладает рядом отрицательных качеств, в частности, он легко разрушается под воздействием влаги. Естественным в этой связи представляется вопрос, почему жители Дура-Европос так широко использовали столь непрочный строительный материал. Анализ ряда образцов, взятых из домов парфянского и римского времени, показал, что состав *джуса* был значительно сложнее: в него, помимо сульфата кальция, входили также глина, кварц и органические материалы.

Еще одна статья связана с проблемой реставрации каменных конструкций, в первую очередь стен города⁴⁷. Она представляет собой этно-археологическое исследование по проблеме добычи и обработки камня. Хотя в Сирии в настоящее время большинство каменоломен работают с применением современных орудий труда, имеется несколько (в частности, в районе Армея), где используется только ручной труд. Авторы исследовали процесс и организацию труда в них, обращая особое внимание на орудия труда, организацию работ, социальную среду, из которой выходят рабочие и предприниматели, занятые этим видом деятельности. Можно полностью согласиться с основными установками авторов статей: подобное исследование поможет лучше понять многие из вопросов относительно строительной истории Дура-Европос, да и других городов древности в Сирии и прилегающих регионах. Из их практических выводов

⁴³ Первая публикация: *Fink R.O., Hoey A.S., Snyder W.F. The Feriale Duranum // Yale Classical Studies. 1940. 7. P. 1–222.*

⁴⁴ *Fishwick D. Dated Inscriptions and the Feriale Duranum // DEE. II. P. 91–103.*

⁴⁵ См. особенно: *MacMullen R. Paganism in the Roman Empire. New Haven, 1981. P. 110.*

⁴⁶ *Dandrau A. Gypse, plâtre et «djousse» // DEE. IV. P. 155–157.*

⁴⁷ *Bessac J.-Cl., Abdul Massih J., Valat Z. De Doura-Europos à Aramel: étude ethno-archéologique dans des carrières de Syrie // DEE. IV. P. 160–197.*

необходимо обратить внимание на следующие: извлечение 1 м³ песчанника средней плотности требует несколько более 15 рабочих часов и применения 8 различных орудий труда. Авторы отмечают также, что традиционные каменоломни могут в известной мере конкурировать с соседними более или менее механизированными каменоломнями. Для реставрационных работ в Дура-Европос предпочтительнее использовать камень, добытый именно в таких каменоломнях. Завершается статья словарем, в котором собраны основные термины традиционного камнеобработочного промысла и их перевод на французский язык.

Отдельные статьи основаны на материалах Дура-Европос, но посвящены более общим вопросам. К их числу необходимо отнести, в частности, статью Э. Вилля, посвященную проблеме количества населения в городе⁴⁸. Суть работы – в опровержении основных выводов В. Хефнера и Е.Л. Шванднера по этому вопросу⁴⁹. При исследовании проблемы размеров территории древних городов и числа их обитателей данные авторы, естественно, обратились и к Дура-Европос, поскольку город достаточно исследован, определены и его размеры, и система планировки. Согласно их выводам, в городе насчитывалось примерно 600 отдельных жилищ и соответственно население его составляло около 6000 человек, из них примерно 1000 (в особых случаях до 2000) могли носить оружие. По их определению, Дура-Европос может быть отнесена, с точки зрения ее размеров и количества населения, к числу средних городов.

Э. Вилль же считает, что эти цифры завышены, поскольку не учитывается то обстоятельство, что часть территории города не была застроена. Кроме того, он полагает, что Дура-Европос отнюдь не входила в категорию средних городов. Если считать крупными городами такие, как Антиохия на Оронте и Селевкия на Тигре, то в категорию средних должны попасть Алеппо и Дамаск. Дура-Европос же должна занимать место среди малых городов. Цель же основания этого города заключалась в том, чтобы быть одним из укрепленных пунктов, обеспечивающих безопасность дороги из Антиохии в Селевкию.

К той же категории принадлежит и статья, посвященная связям между парфянской царской администрацией и местными знатными фамилиями Месопотамии⁵⁰. П. Арно на основании главным образом папирусов и надписей из Дура-Европос анализирует характер взаимоотношений между царской властью и местными знатными семьями (включая и знать греческих городов) этого региона. Основные идеи автора состоят в следующем: власть парфянского царя над греческими городами постоянно увеличивалась, однако этот процесс нельзя понимать как постепенное подавление сопротивления «фрондирующих» полисов. Этот процесс определялся тем, что местные знатные фамилии оказывались все более и более тесно связанными с парфянской администрацией. Царская власть выбирала среди местной знати людей, которые осуществляли административную власть на местах, при этом высшие власти не вмешивались во внутренние дела коллективов, над которыми эти люди были поставлены. Самая основная задача этих людей состояла в сборе налогов. Созданная таким образом система очень напоминала феодальную: отношения сюзеренитета и вассалитета соединяли не только царя и его функционеров, но и самих функционеров разных уровней. Однако ее нельзя считать полностью феодальной, так как власть их не была наследственной, и контроль царской власти на всех уровнях осуществлялся через посредство финансового ведомства. Кроме того, наличие нескольких административных уровней, каждый из которых обладал определенной автономией, служило средством против чрезмерного усиления власти крупных функционеров типа стратегов сатрапий. По мнению автора, эта система очень сильно напоминала ту, которая существовала при Ахеменидах. Статья П. Арно представляет определенный интерес, однако, с нашей точки зрения, автор излишне обобщает свои выводы. Помимо отмеченных автором обстоятельств, необходимо помнить о том, сколь ожесточенным было сопротивление греков Месопотамии парфянам в начале их господства и сколь жестокие меры подавления применялись царской властью по отношению к греческим полисам⁵¹.

Наконец, несколько статей в различных выпусках посвящено истории предшествующих археологических исследований в Дура-Европос. Авторы всех этих статей согласно указывают, что многие особенности в деятельности экспедиций невозможно понять вне контекста тех исторических событий, которые развертывались в этом районе в период их деятельности. В

⁴⁸ Will E. La population de Doura-Europos: une évaluation // DEE. I. P. 57–63.

⁴⁹ Hoepfner W., Schwandner E.L. Wohnen in der klassischen Polis. I. Haus und Stadt im klassischen Griechenland. München, 1986. S. 207–210.

⁵⁰ Arnaud P. Doura-Europos, microcosme grec ou rouage de l'administration arsacide? Modes de maîtrise du territoire et intégration des notables locaux dans la pratique administrative des rois arsacides // DEE. I. P. 135–155.

⁵¹ Подробнее см. Кошленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

одной из статей⁵² описывается региональная история Верхнего Евфрата в период с 1916 по 1921 г. Ш. Велю достаточно подробно говорит о тех военно-политических условиях, которые сложились на Переднем Востоке в 1916 г. (бесславная англо-французская попытка захватить Дарданеллы, капитуляция британских войск в Месопотамии) и которые привели к заключению англо-французского договора о послевоенном разделе турецких владений здесь, а также об успешных попытках поднять арабов на борьбу против турок. Очень ярко им характеризуется и ситуация после поражения Оттоманской империи: раздел ее владений, готовность союзников нарушить все договоры, заключенные ранее и захватить то, что должно было принадлежать другому, подавление восстаний местного арабского населения, неоднократный переход района Дейр эз-Зора из рук в руки. Вторая часть статьи – административная история этого района, начиная с последнего периода оттоманского владычества. Для понимания условий деятельности археологов в данном районе важно то обстоятельство, что с 1930 г. здесь как в пограничной зоне над системой гражданского правления была поставлена новая контролирующая сила: вся зона надзиралась военными – офицерами разведки, опиравшимися на отряды мобильной гвардии и другие воинские части, состоявшие из представителей местного населения, но, главным образом, из сирийцев-христиан, айсоров и других этнорелигиозных меньшинств (курдов, друзов и арабов-шиитов). Эти подразделения не только несли военную службу, но и привлекались для исполнения других задач. В частности, в период раскопок Ф. Кюмона именно они составляли основную массу рабочих на раскопках. В статье также дается обобщенная характеристика жизни населения в рассматриваемый период.

В последнем выпуске отчетов экспедиции данной тематики посвящены две статьи. Первая из них, статья М. Желен, состоит из двух частей⁵³. В первой части статьи дан перечень тех архивов, в которых хранятся материалы, относящиеся к ранним раскопкам в Дура (Институт Франции, Йельский университет, Французский институт археологии Ближнего Востока в Бейруте, Лувр, Коллеж де Франс (Кабинет ассириологии), Французский институт арабских исследований в Дамаске). Вторая часть статьи характеризует основные события истории Сирии (и Ливана) в те периоды, когда действовали обе ранние экспедиции (взаимоотношения с Францией, внутривосточные проблемы, изменения административной структуры и т.д.), – главным образом с точки зрения того, как они отражались на деятельности экспедиций. Данная статья является своего рода продолжением предыдущей, в которой основное внимание уделяется самому первому периоду французского мандата; здесь же описание событий доведено до 1946 г. – момента, когда французские войска покинули Сирию. Автор показывает, как происходило, в частности, становление местной системы охраны памятников, поскольку при турецкой власти она не существовала. Единственным органом, связанным с этой областью деятельности, была Дирекция императорских музеев в Стамбуле. Подчеркнута также роль французской армии в археологических раскопках. Солдаты не только охраняли место раскопок, что было необходимо, поскольку политическая ситуация была очень нестабильной, но и прямо в них участвовали. Мы, естественно, не будем повторять все факты, которые приводятся в статье, отметим только, что она очень полезна для понимания очень многих проблем истории археологического изучения Дура-Европос⁵⁴. Статья также содержит очерк законодательства в отношении памятников прошлого и археологии. В ней много чрезвычайно интересных фотографий, например, фотография Э. Эррио, сделанная им в музее Дамаска на пути из СССР во Францию⁵⁵. В приложении автор публикует текст договора о совместных работах по исследованию Дура-Европос между Верховным комиссаром Французской республики при Ливане, Сирии, государствах Алауитов и Джебель Друза и Президентом Йельского университета (без даты, между 18 января и 1 октября 1927 г.) сроком на 6 лет.

Вторая статья⁵⁶ основана на архивных материалах (хранящихся в Йельском университете) и

⁵² *Velud Ch. Histoire des recherches à Doura-Europos. Contexte historique régional des fouilles de Doura-Europos entre les deux Guerres mondiales // DEE. II. P. 105–124.*

⁵³ *Gelin M. Les fouilles anciennes de Doura-Europos et leur contexte: documents d'archives conservés dans les institutions françaises et témoignages // DEE. IV. P. 229–244.*

⁵⁴ Среди таких фактов отметим соперничество (в 1926 г.) между Чикагским и Йельским университетами в отношении права проводить раскопки в Дура-Европос, всесторонняя помощь армии раскопкам (охрана места раскопок в период работ и между ними, предоставление оружия членам экспедиции, автомобиля, карт, аэрофотоснимков и т.д.).

⁵⁵ Как известно, Э. Эррио находился несколько лет в гитлеровском концлагере и был освобожден советскими войсками.

⁵⁶ *Yon J.-B. Les conditions de travail de la mission américano-française à Doura-Europos à travers les archives de l'Université de Yale // DEE. IV. P. 245–255.*

посвящена условиям работы американо-французской экспедиции. Статья содержит значительное количество фактов, ярко показывающих некоторые особенности жизни экспедиции. Это тем более интересно, что их можно сопоставлять с тем, что писал К. Гопкинс в своих воспоминаниях о работах в Дуре-Европос⁵⁷. Не перечисляя всех приведенных фактов, отметим в качестве примера только некоторые из них. Архивы показывают, что все сколько-нибудь серьезные проблемы решались обязательно с личным участием М.И. Ростовцева. Он был подлинным руководителем, который выступал высшим авторитетом как в решении научных, так и административных и «дипломатических» вопросов⁵⁸. С другой стороны, важна и информация о роли А. Сейрига, который являлся в то время руководителем Службы древностей на всей территории французского мандата. А. Сейриг сделал очень много для обеспечения нормальной работы экспедиции.

Также интересны сведения о внутренних конфликтах в экспедиции и, вообще, достаточно напряженной обстановке в ней, что проистекало из факта участия в единой экспедиции представителей двух стран, и того обстоятельства, что небольшая группа европейцев оказывалась на протяжении пяти или шести месяцев в сущности отрезанной от привычного мира. Особенно напряженными были отношения в тот период, когда приходила пора делить (согласно договору) находки.

Интересны сведения о количестве рабочих, их бригадиров и археологов. Рабочих довольно часто бывало более 300, их бригадиров – 5, а археологов – 3 человека.

Рассмотрев в той или иной степени содержание четырех выпусков отчетов экспедиции, мы, видимо, имеем право высказать некоторые соображения относительно и самих проводимых работ, и отчетов о них.

Прежде всего, необходимо указать, что возобновление исследований Дуре-Европос нельзя не приветствовать. Этот памятник дал огромное количество информации о целом ранее не известном мире, и хотя с момента окончания ранних раскопок в Дуре-Европос наши знания о нем расширились, этот город безусловно может дать еще много дополнительной информации.

Точно так же нельзя не приветствовать и стремление к возможно более точной и полной реставрации самых важных и привлекающих особое внимание сооружений города. В этом отношении ситуация в конце века разительно отличается от того, что было здесь в 20–30-е годы. Тогда это был «край света», где археологи могли работать только под охраной армейских подразделений. Ни о каком использовании памятника в туристских целях не могло быть и речи. Теперь же цель превратить Дуре-Европос в крупный центр туризма выглядит и благоприятно и реально.

Особого обсуждения заслуживает вопрос об основной направленности работ франко-сирийской экспедиции – уточнении информации, полученной предыдущими экспедициями. Думается, что в этом есть серьезный резон. При работах предыдущих экспедиций не были сделаны очень многие важные наблюдения. Это явилось результатом самого процесса организации археологических работ в то время. Мы уже приводили выше цифры, показывающие соотношение числа рабочих и археологов, которое сегодня кажется невероятным. Однако имеются и другие факты. Например, в распоряжении Дж. Брестеда для фиксации открытой британскими солдатами живописи в храме Бела был всего один день. Начало работ экспедиции Ф. Кюмона выглядело следующим образом. Когда 9 ноября 1922 г. Ф. Кюмон вместе с полковником Э. Ренаром прибыли к руинам города, они встретились с такой ситуацией: «Руины заняты более чем двумя сотнями человек: алжирскими рабочими, солдатами Иностранного легиона и марокканскими спафиями... Работы начались в начале октября. До нашего прибытия они раскопали храм, украшенный живописью, и часть его окружения, исследовали в нескольких местах укрепления, открыли много могил в некрополе, а в самом городе они очистили, кроме многих частей отдельных домов, также ступени и вход в виде полукруга»⁵⁹. Ф. Кюмон оставался на месте раскопок в том году 8 дней. В сезоне 1923 г. экспедиция

⁵⁷ См. Hopkins. The Discovery of Dura-Europos.

⁵⁸ Например: «Определяющая роль Ростовцева отчетливо видна во всем... Именно с ним консультировался Гопкинс по всем важным вопросам и, кажется, все работы проводились в соответствии с его указаниями. Гопкинс его информировал обо всем, что происходило в Дуре» (Yon. Op. cit. P. 246); или «на основании дневников и писем, ясно видна руководящая роль Ростовцева, который был настоящим "патроном", который даже на расстоянии – самое меньшее – определял основные направления деятельности экспедиции в 1930-е годы. Он был своего рода гарантом интересов университета, главным руководителем раскопок и именно к нему обращались руководители миссии (Пилле, а затем Гопкинс) в случае каких-либо трудностей...» (ibid., p. 248).

⁵⁹ Cumont F. Rapport sur une mission à Salihtyeh sur l'Euphrate // CRAI. 1923. P. 12–41.

продолжалась с 3 октября по 7 ноября. Ф. Кюмон следующим образом описывал условия работы во время раскопок, осуществляемых «группами грубых легионеров»: «В течение пяти недель работ от зари до темноты я должен был выполнять обязанности практически всех профессионалов – быть одновременно археологом, эпиграфистом, фотографом и землемером... читатель легко поймет те трудности, которые происходили из-за отсутствия технически подготовленных сотрудников и необходимых материалов в дикой и пустынной местности...». Что касается сезона 1924 г., то полковник Андреа послал в Дура команду из 10 солдат, которые раскапывали в период с 12 мая по 1 ноября пальмирскую башню и несколько домов, но, как меланхолически отмечает Ф. Кюмон, «не было возможности отправить в Салие археолога, чтобы узнать о результатах их работ»⁶⁰.

Исследования американско-французской экспедиции были организованы много лучше, но и здесь имелись свои трудности, связанные не только с очень большим числом рабочих-землекопов по отношению к числу археологов, но и с тем, что погибла документация последнего сезона, когда основные усилия исследователей были посвящены выяснению стратиграфии города.

Таким образом, необходимость повторного исследования ряда раскопанных ранее памятников вполне очевидна. Естественно, что оно внесло ряд изменений в картину истории города. Самое важное из них – новая датировка городских укреплений и главной улицы. По мнению участников франко-сирийской экспедиции, возведение стен и создание главной улицы происходит незадолго до середины II в. до н.э. При этом первоначально стены города имели прежде всего престижный характер, а уже затем – оборонительный. Однако угроза со стороны парфян заставила ускорить строительство и сделать акцент на оборонительные функции городских укреплений.

Новые выводы, естественно, ставят вопрос: мог ли такой населенный пункт, как Дура-Европос, носивший с самого начала военный характер, не иметь с момента его основания городских укреплений? Поставив этот вопрос, сотрудники экспедиции отвечают на него резко отрицательно⁶¹. Они предполагают, что данные стены – результат расширения первоначальной территории города. Соответственно они полагают, что изначальный город был гораздо меньше и занимал участок возле Евфрата и цитадели. По их мнению, и главная улица, и система городской планировки по гипподамовой схеме, и городские укрепления – все эти элементы городской структуры относятся ко второй четверти II в. до н.э., а не к концу IV – началу III в. до н.э., как предполагалось ранее. Трансформацию города они относят к эпохе Антиоха IV или Антиоха VII Сидета.

Каким образом можно оценить это основное отличие новой схемы истории города от традиционной? Отметим прежде всего, что в принципе ничего невозможного здесь нет. Однако мы не решаемся сейчас вынести свое суждение, поскольку до сего времени не опубликованы керамические находки из слоев, подстилающих укрепления, и ранних слоев главной улицы. Если же принять новую схему, то, думается, время Антиоха IV больше подходит к тому, когда город перестраивался и расширялся, чем время Антиоха VII Сидета. При первом из них действительно предпринимались усилия по созданию новых полисов, укреплению их, в то время как последний был занят совсем иными видами деятельности. Обилие его монет в городе, на которое в свое время обращал внимание Э. Беллинджер⁶², объясняется, с нашей точки зрения, тем, что Антиох VII вел войну с парфянами, опираясь на греческие города Месопотамии. Обилие его монет лучше объясняется этим фактом, чем иными.

Далее, если принять эту новую схему, то настоятельной потребностью становится исследование именно тех частей города, которые входили в зону первоначальной застройки для подлинной верификации этой интересной, может быть даже очень продуктивной гипотезы.

По ходу изложения мы сделали ряд замечаний относительно некоторых статей из этой коллекции трудов экспедиции. Подводя же общие итоги, можно смело сказать, что возобновление исследований этого замечательного города является фактом сугубо положительным, и публикация трудов, отражающих результаты этих работ, не может не приветствоваться. Тщательность исследований дает замечательные результаты*.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

⁶⁰ *Cumont. Fouilles...* P. 477.

⁶¹ *Leriche, Machmoud. Doura-Europos. Bilan des recherches récentes.* P. 400 sq.

⁶² *Bellinger A.R. Seleucid Dura. The Evidence of the Coins // Berytus. 1943. 8. P. 63 f.*

* Публикация выполнена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Академик М.И. Ростовцев и эллинистическо-римский Восток (новые архивные материалы)» (код проекта: 98-01-00066).